

Нино Чиковани

Нарратив единого Кавказа: Попытки преодоления конфликтной памяти

Резюме

За последние 20 лет народы Южного Кавказа в полной мере испытали на себя «всеобщее торжество памяти». Вместе с распадом Советского Союза перестали существовать единая советская идентичность, до того сосуществующая с локальными идентичностями, и его основа – единый советский исторический нарратив. Началась деконструкция и переосмысление прошлого. В условиях вспыхнувших на Кавказе кровавых конфликтов, конфликтная память, отразившаяся в конфликтных нарративах, взяла верх над опытом сосуществования и диалога. Тяжелый опыт 90-х годов привел к возрождению идеи единого Кавказа и попыткам создания соответствующего нарратива, как средства преодоления конфликтной памяти. Но сохраненный в коллективной памяти опыт совместного прошлого не смог перекрыть исторические обиды, территориальные претензии, взаимные обвинения, политические интересы. Нарратив единого Кавказа остается идеалом, «полезным мифом», который существует уже несколько столетий, то и дело оживая в той или иной форме.

С 90-х годов 20-го века, на фоне поиска новых или реконструкции старых идентичностей, «переписания» истории в соответствии с новыми политическими реалиями, идея кавказского единства стала предметом рассуждений и разногласий. Эта идея существует несколько столетий, периодически оживая в той или иной форме. В постсоветский период стремление к созданию общего кавказского нарратива приобрело новый смысл и накал. С одной стороны, это был своеобразный «ответ» на «вызов» конфликтной памяти, с другой стороны – реакция на прогноз превращения региона в арену «столкновения цивилизаций».

Известно, что наша память конструируется современными реалиями.¹ Настоящее определяет, что должно быть запомнено, вспомнено или забыто из прошлого. Историография, исторический нарратив играет важную роль в формировании коллективной памяти. Дж.Верч считает исторические нарративы культурными инструментами коллективного запоминания.²

Вместе с распадом Советского Союза прекратил существование единый советский нарратив, служивший основой коллективной памяти советских народов об общей истории, которая, впрочем, начиналась не с победы революции и установления советской власти, а с незапамятных времен. Официальная история, облаченная в марксистскую фразеологию, была русоцентричной, представляя страну как русскую нацию-государство с национальными меньшинствами,³ параграфы, посвященные их истории, то и дело прерывали повествование об истории России, не особо впечатляя учащихся. Долгая история нерусских народов до присоединения к России (естественно, добровольного) была как бы подготовительным периодом к этапу преодоления противоречий, установления равенства и братства между народами.

¹ P. Burke, "History as Social Memory," in: T. Butler, ed., *History, Culture and the Mind*, N.Y., 1980, 97.

² J.V. Wertsch, *Voices of Collective Remembering*. Cambridge University Press, Cambridge, 2002.

³ T. Kuzio, "History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space", in: *Nationalities Papers* 30, 2 (2002): 245-246.

Существовала единственная «истинная» версия истории, методологической основой которой был марксистский исторический материализм, с акцентом на классовую борьбу и восходящую линию общественно-экономических формаций, логическим завершением которой была коммунистическая формация. История рассматривалась средством пропаганды и была строго идеологизирована. Коммунистическая идеология должна была устранить межнациональные различия и сформировать нового советского человека. Но структура советского государства основывалась на национальное деление, а «этнические» общности, составляющие Советский Союз, не были этнически гомогенными. Москва старалась, наряду с обобщающей советской идентичностью, поддерживать этнические идентичности, как, например в первые годы «коренизации», когда были созданы письменности народам, до того ее не имеющих, переведены на кириллицу некоторые из ранее созданных, и поощрялось их использование.

Супранациональная советская идентичность должна была быть сильнее и глубже других идентичностей. Исследователи отмечают, что официальная, московская версия влияла не только на советских, но и на западных ученых, последние редко изучали нерусские территории с предвидением внутренних закономерностей их развития, при том, если это и случалось, они использовали советскую терминологию, дефиниции и категории.⁴ Еще интереснее то, что этот терминологический, категориальный и методологический аппарат продолжил существование и после распада СССР, когда на постсоветском пространстве начался процесс «деколонизации истории». Раньше аналогичная ситуация была на постколониальном Востоке, где деколонизация истории и создание нарратива, противоположного созданного колонизаторами, происходило с использованием их же методов⁵.

В условиях тотальной монополизации исследований, образования и меди государством/коммунистической партией, ничто не препятствовало распространению официального нарратива истории СССР и его республиканских версий. Это было частью идеологической политики с конечной целью культурной гомогенизации Советского Союза и формирования сильной советской идентичности. Но этого не произошло: советская идентичность существовала наряду с локальной идентичностью, а не взамен нее.

Уже в период «перестройки» четко проявилось растущее конфликтное настроение национальных меньшинств. Важной составной частью ревитализации национальной идентичности было оживление национальных историй. Эти истории и раньше сосуществовали с официальным нарративом и иногда даже перекрывали его. Советская политика лишь отчасти достигла успеха в подавлении или изменении национальных мифов,

⁴ S.Velychenko, “National History and the “History of the USSR”: The Persistence and Impact of Categories”, in: *Nationalism and History. The Politics of Nation Building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia*. University of Toronto, 1994, 13.

⁵ E.W.Said, *Orientalism*, Penguin Group, 2003; М.Ферро, *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*, Москва, 1992.

фактически, они не были разрушены, а фрагментировались и сложились противоположными официальному нарративу новыми историями.⁶

После распада Советского Союза, когда начался процесс поиска новых идентичностей, на Кавказе вспыхнуло несколько кровавых конфликтов. Конфликтные ситуации часто создаются, поддерживаются и усугубляются из-за конфликтов интерпретаций истории: стороны по-разному излагают мотивы, устремления и действия друг друга, основываясь на сложившиеся на протяжении времени мифы, стереотипы, предрассудки. Началась деконструкция и переосмысление прошлого. Встала задача (вос)создания национальных историй, которые должны были восполнить существующие «белые пятна», обосновать права новообразованных независимых государств и освободиться от идеологического дискурса. Этноцентрический нарратив, существующий в советское время в виде контрнарратива официальной советской истории, был легитимизирован. Создавались новые мифы, выдвигались взаимные обвинения в искажении «исторической правды». Новые официальные истории представляли собой некоторого рода ответ на имперскую гегемонию, но они серьезно повлияли на меньшинства. Титульные нации создавали новые версии собственной истории, меньшинства отвечали тем же. Можно сказать, что в конце 90-х годов этноцентризм представлял собой определенную адаптацию к новой реальности.

Народы Южного Кавказа, впрочем, как и всего постсоветского и постсоциалистического пространства, в полной мере испытали на себя «торжество памяти», о котором говорил Пьер Нора. «Война историков» сопутствовала, а иногда и предшествовала конфликтам, подтверждая слова Жака Ле-Гоффа о том, что история не только питает память, но и снабжает ее горючим. Так, из памяти были вызваны старые обвинения, недоразумения, началось соревнование в древности, автохтонности, государственности. Образы прошлого, представленные по-новому, направленные на «вспоминание» вражды и недоверий, использовались для мобилизации масс. Конфликтная память взяла верх над опытом сосуществования и общего прошлого.

Тяжелый опыт 90-х годов породил задачу преодоления конфликтной памяти и актуализации в коллективной памяти кавказских народов тех моментов, которые перекрыли бы накопившиеся недоверие и обиды. Общее прошлое, общая история являются одним из важнейших средств консолидации. Исторический нарратив предназначен, с одной стороны, для людей того культурного пространства, историю которого он излагает, являясь важнейшей основой самоосознания и самоидентификации, с другой стороны – для «внешней аудитории», внешнего мира. Можно сказать, что так и не сложившийся пока нарратив единого Кавказа предназначался, в первую очередь, для самих кавказцев.

С этого периода можно отчетливо проследить несколько волн актуализации идеи единого Кавказа и попыток создания общекавказского нарратива. Такие попытки предпринимались и раньше, в не менее сложные периоды истории народов Кавказа. В каждом конкретном случае они имели конкретную цель.

⁶ S.F.Jones, "Old Ghosts and New Chains. Ethnicity and memory in the Georgian Republic", in: R.S.Watson, ed., *Memory, history and opposition under state socialism*. University of Washington Press, 1994, 149-150.

В 20-м веке новые попытки создания общекавказского нарратива предстают как стремление к преодолению конфликтной памяти во имя достижения мира и стабильности. В период недолгой независимости южнокавказских государств в 1918-1921 годах, на фоне борьбы внешних сил за сферы влияния на Кавказе и противоречий между новообразованными государствами, когда вспоминались старые обиды и недоразумения, интересным исключением выглядит попытка правителя Аварии Кайтмаза Алиханова сформулировать идею общего нарратива: пытаюсь разрядить сложную обстановку, созданную в Аварии с появлением сначала белогвардейцев, а затем большевиков, в июне 1920 года Алиханов обратился к правительству Грузинской Демократической Республики с просьбой присоединить Аварию на автономных началах, аргументируя это тем, что «аварцы связаны с Грузией душой и кровью, и до нашествий Тимура Ленга их земля была неотъемлемой частью Грузии».⁷ Этот факт интересен для нас не с точки зрения соответствия или несоответствия с исторической реальностью, а как пример обращения к прошлому в качестве аргумента в пользу настоящих политических намерений.

Со времени установления советской власти на Кавказе складываются два варианта нарратива единого Кавказа: один из них создавался в советской исторической науке и основывался на идеологеме братства и дружбы советских народов. Следует отметить, что «братство» коренилось не в прошлом, а возникало и крепло благодаря усилиям советской власти, направленных к преодолению старой вражды. Другой вариант нарратива пытались создать эмигрантские круги.

Эмигрировавшие после установления советской власти на Запад политики считали несогласия и противоречия между кавказскими народами одной из главных причин поражения республик Грузии, Азербайджана и Армении в 1918-1921 гг. Они искали путь их преодоления во вспоминании и оживлении реального или мифического позитивного опыта прошлого.

В 20-х годах 20-го века в эмигрантских кругах активно обсуждался вопрос создания Кавказской конфедерации, что дало бы кавказским народам возможность избежать опасностей, исходящих из севера и юга. В поиске аргументов обращались к прошлому. «Духовный лидер новой Грузии Илья Чавчавадзе и его современники, в конце прошлого века, не раз пытались разработать широкий план дружеского объединения кавказских наций. Его поколение обсуждало этот вопрос с представителями Азербайджана, Армении и Северного Кавказа», писал Димитрий Вачнадзе в 1929 году.⁸ «Путь избавления, освобождения и возрождения лежит через государственный союз кавказских наций под названием Кавказской Конфедерации», заключал он.⁹

Иногда эмоции и патетика брали верх над рациональными аргументами. Так, Николоз Инасаридзе писал в 1930 году: «Что значит культурно-политический организм и можем ли

⁷ М.Церцвадзе, М.Бахтадзе, *Докладная записка о присоединении Аварского края к Грузии*. Тбилиси: Меридиани, 15.

⁸ Д.Вачнадзе. «Кавказская конфедерация», в: Г.Шарадзе *История грузинской эмигрантской журналистики*, т.5, ч.4, (1929-1939), Тбилиси, 2004, 222.

⁹ Там же, 226.

мы так назвать Кавказ? Конечно, нет. Может ли житель Кавказа одолжить название у Кавказских гор? Конечно, может! Это будет лишь эпитет, имя, данное при рождении новому культурно-политическому организму. Для этого жители Кавказа должны принести в жертву общему делу свои культурно-политические рамки, разорвать и разрушить их, взявшись рука об руку. Они должны объединиться как органы человека, для достижения независимости Кавказа. На алтарь общего благоденствия должны быть принесены именные выражения культурно-политического взгляда осетина, черкеса, ингуша, чеченца, лека, грузина, азербайджанца, взамен же все они должны вернуть название «кавказец»... Мы советуем каждому из них бросить собственное имя и для общего усилия взять общее имя у Кавказских гор».¹⁰ Как видно из приведенной цитаты, Н.Инасаридзе предлагал весьма своеобразный вариант единого кавказского нарратива.

После подписания в 1934 году пакта Кавказской Конфедерации¹¹ обсуждение проблемы единого Кавказа еще более активизировалось. В нем включились армянские деятели, первоначально отказавшиеся подписать пакт. В рассуждениях грузинских и армянских политиков ясно прослеживается стремление к мифологизации прошлого, возрождению старых или создания новых исторических мифов. В периодическом издании национально-демократической партии Грузии, выходящем в Париже с 1929 года, была напечатана речь армянского деятеля А.Джамалаяна, в котором автор говорит о историческом братстве грузин и армян, не знавшем противоречий и раздор; эти два народа всегда помогали друг другу. Их объединяли многие общие обычаи и праздники. Но обстановка на Кавказе сильно изменилась после установления российского господства. Грузины и армяне забыли уроки истории. «Политика России разрушила грузино-армянское братство и вероломно противопоставило друг другу эти два народа. Если бы не эта беда, революция на Кавказе завершилась бы совсем по-другому. Объединенная сила грузин и армян защитила бы не только собственную свободу, но и свободу всего Кавказа».¹² Но еще можно было восстановить древние традиции единства, что нашло бы глубокое сочувствие у «наших старых соседей – азербайджанцев и горцев, у которых те же цели, что и у нас. Для них совершенно ясно, что разобщение грузин и армян было одной из главных причин потери общей родины – Кавказа».¹³

Как видим, А.Джамалаян пытался возродить старый исторический миф и создать на его основании новый нарратив единого Кавказа. В этом же контексте помещается отклик грузинского деятеля Самсона Пирцхалава на речь А.Джамалаяна. «Для объединения кавказских наций недостаточна лишь теоретическая пропаганда и декларирование добрых намерений», писал С.Пирцхалава, нужно рассеять все существующие недоразумения и, главное, «подчеркнуть сотрудничество и дружбу, существующую раньше. Может быть,

¹⁰И.Инасаридзе. «Идея кавказского единства», в: Г.Шарадзе *История грузинской эмигрантской журналистики*, т.5, ч.4, (1929-1939), Тбилиси, 2004, 380-381.

¹¹Пакт был подписан 14 июля в Брюсселе представителями национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Было оставлено место для Армении, отказавшейся тогда подписать пакт.

¹²Г.Шарадзе. *История грузинской эмигрантской журналистики*, т.5, ч.4, (1929-1939), Тбилиси, 2004, с.217-218.

¹³Там же.

Кавказ – новое политическое понятие, но не новы общие действия, общая борьба, согласованные выступления, взаимная помощь и доброе соседство кавказских народов».¹⁴

В постсоветский период нарратив единого Кавказа приобретает новый смысл и содержание. Интересно, что он складывается в условиях усиления этнонационализма, вернее, эти два процесса протекают параллельно. Следовательно, идея единства была обусловлена конкретным контекстом и конкретными политическими целями.

В начале 90-х, когда на Кавказе уже бушевали несколько конфликтов, возникла концепция «единого кавказского дома», обусловленная новой обстановкой, созданной распадом Советского Союза и пафосом конфронтации с Россией. Сами авторы идеи представляли этот «дом» по-разному: речь шла то о «кавказском парламенте», то об объединении типа Евросоюза, целью которого должно было быть обеспечение мира и стабильности на Кавказе. В пылу дискуссии упускалось из виду то обстоятельство, что объединения такого типа основываются на общем мировоззрении, общие ценности, общее экономическое и информационное пространство и другие факторы, которых не существовало в случае Кавказа. Попыткой реализации идеи явилась Конфедерация народов Кавказа, пользующаяся поддержкой центральных властей России. Российские средства массовой информации представляли дело так, как будто речь шла о реально существующем образовании со своим парламентом, президентом, вооруженными силами и другими атрибутами государственности. Игнорировался факт, что это была лишь попытка определенной части интеллигенции Северного Кавказа осуществить некий проект государственного устройства, который, впрочем, был оторван от действительности. Конфедерация не имела ни малейшую степень легитимности, официального мандата, полученного путем выборов.

Примечательно, что о Конфедерации больше писала центральная пресса, чем местные северокавказские средства массовой информации. Как отмечает К.Гаджиев, в газетах Дагестана почти не встречались материалы по теме Конфедерации. Большинство населения или вообще не слышало о Конфедерации, или же имело о ней весьма смутное представление. А отношение той 15 процентов, которые были осведомлены о целях и задачах Конфедерации, колебалось от явно негативного до восторженного.¹⁵

Конфедерация не только успела сыграть неблагоприятную роль в кавказских конфликтах; этот негативный опыт остался в коллективной памяти кавказских народов. В последующем отношении к идее единства стало гораздо более осторожным и скептическим. Несмотря на это, сторонники идеи время от времени пытаются актуализировать этот опыт, реанимировать идею, периодически собираясь на различных форумах и принимая резолюции, постановления и решения насчет создания союзов, конгрессов, призывая забыть вражду и объединиться во имя свободы и мира.

¹⁴ Там же, 219.

¹⁵ К.С. Гаджиев. *Геополитика Кавказа*. Москва, 2001, 81.

На основании имеющихся материалов трудно сказать, существует ли связь между организаторами этих конгрессов, съездов и конференций, сколько их насчитывается на сегодняшний день и т.д.

Еще одна попытка создания единого кавказского нарратива связана с усилиями официальных политических кругов. В 90-е годы 20-го века, в ответ на концепцию С.Хантингтона и в качестве ее своеобразной альтернативы, президентами Грузии и Азербайджана Э.Шеварднадзе и Г.Алиевым была предложена идея «мирного Кавказа». В отличие от «кавказского дома», она подразумевала не объединение того или иного типа, а выявление общих интересов и создание условий мирного сосуществования путем переговоров и соглашений. В марте 1996 года, во время визита в Тбилиси президента Алиева была подписана совместная декларация «О мире, стабильности и безопасности в Кавказском регионе», известная под названием «Тбилисской декларации». Документ должен был обеспечить строительство «единого кавказского дома» путем защиты прав и свобод человека, национальных меньшинств. В 1996-1997 годах при президенте Грузии существовала комиссия «Для мирного Кавказа».

С точки зрения создания единого нарратива, интересны несколько международных научных конференций, проведенных в Тбилиси в 1997-1998 гг. по инициативе политиков. На них большое внимание уделялось поиску историко-культурных основ единства кавказских народов. Выступление грузинских официальных лиц на этих конференциях представляют собой интересный пример возрождения исторических мифов и попыток создания, на их основании, нового нарратива. Так, на конференции, проведенной в Тбилиском государственном университете, тогдашний председатель парламента Грузии отмечал: «Кавказское единство не есть только политическая концепция. Фактически, Кавказ – это разнообразное и в то же время гомогенное образование, феномен, который формировался на протяжении веков и тысячелетий, который имеет четко определенные аутентичные социальные и культурные институты... Это дает возможность говорить о феномене единой кавказской цивилизации, создатели которой – кавказские народы – несмотря на религиозные и этнические различия, объединены общими ценностями и одинаковой ментальностью».¹⁶

Тогдашний министр культуры Грузии на той же конференции подчеркивал: «Мы, кавказские народы, одно целое – исторически и геополитически; мы, в сущности, родственные народы по психофизическому строю, «кавказским характером», внешностью, темпераментом, моральными идеалами».¹⁷

Тут ярко проявляется стремление возродить миф родственности кавказских народов и создать общекавказский нарратив, что отражает влияние политической конъюнктуры и желание внести ясность в сложную обстановку, существующую в регионе. Конечно, у кавказских народов много общего, но в постсоветский период эти общие черты отодвинулись

¹⁶ Z.Zhvania, “Georgia and the New Geopolitical Function of the Caucasus”, in: *Caucasica (The Journal of Caucasian Studies)* 2, Tbilisi (1998): 7.

¹⁷ В.Асатиани, «Мирный Кавказ: Роль культуры в будущем Кавказа», in: *Caucasica (The Journal of Caucasian Studies)* 2, Тбилиси (1998): 37.

на задний план, уступив место противоречиям и разногласиям, часть которых является последствием советского наследия, советской национальной политики (массовые депортации, переселения, искусственная лимитация границ между союзными и автономными образованиями, целенаправленное изменение демографического баланса и др.), у части же – более глубокие корни, как и в других подобных региогах мира. Не случайно, что на вышеназванных конференциях учеными не раз подчеркивался факт существования кардинально различных систем на севере и юге Кавказского хребта и необходимость учета этого факта при рассуждениях об едином Кавказе.¹⁸

Еще один тип нарратива, который существенно влияет на формирование коллективной памяти, усугубляя ее конфликтную сущность или стремясь преодолеть ее, это учебники истории. По широкоизвестному высказыванию Марка Ферро, образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь.¹⁹

Если говорить о Грузии, то можно сказать, что в новых школьных учебниках, грифированных после принятия в 2004 году нового закона об образовании, проведен принцип преподавания истории в духе воспитания взаимного уважения и взаимопонимания между различными этническими группами и культурами. Особо акцентирован кавказский контекст – история, география, этнография Кавказа, общие и отличительные черты кавказских народов. Отдельные уроки посвящены темам: «Формирование политической карты Кавказа», «Народы и этнографические районы южного Кавказа», «Кавказское село», «Одежда народов южного Кавказа», «Свадьба на Кавказе», «Как отмечают Новый Год на южном Кавказе», «Памятники культуры южного Кавказа», «Южный Кавказ и культурное наследие ЮНЕСКО: памятники культуры Грузии, Азербайджана и Армении», «Кавказский город», «Системы религиозных представлений народов Кавказа». Особые отделы отведены общим обзорам истории, географии и этнографии Армении и Азербайджана.²⁰

Подчеркнуто этническое и религиозное разнообразие Кавказа, но тут же отмечается, что «наряду с этническим и религиозным разнообразием, у кавказских народов много общего»; «у кавказских народов были очень тесные культурные и экономические связи, что создавало основание для их сближения».²¹

Много места отводится изложению фактов, отражающих общую историю народов Кавказа и их совместную борьбу против иноземных захватчиков. Гораздо лучше, чем в

¹⁸ М.Лордкипанидзе, «К вопросу «Кавказского единого дома», in: *Caucasica (The Journal of Caucasian Studies)* 2, Тбилиси (1998): 163.

¹⁹ М.Ферро. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*, Москва, 1992, 2.

²⁰ Н.Элизбарашвили, Д.Кереселидзе, М.Блиадзе, Дж.Самушиа, Б.Купатадзе, Н.Квитаишвили, К.Джануашвили, Т.Меипариани, Л.Микиашвили. *История и география Грузии и мира, гражданское образование*, учебник для VIII класса, Тбилиси, 2007; В.Неидзе, М.Сургуладзе, Г.Анчабадзе, С.Бахиа-Окруашвили, М.Бокерия, Н.Еремашвили, Г.Мшвениерадзе, Т.Узунашвили. *История/география Грузии и мира*, учебник для VIII класса. Тбилиси, 2007.

²¹ Там же.

дореформенных учебниках, представлен региональный и международный контекст. В основном преодолены этноцентрический подход, стереотипы.²²

Таким образом, в учебниках истории Грузии сделан значительный шаг по пути формирования кавказского нарратива – преодоления конфликтной памяти.

В последние годы было несколько попыток создания единого учебника истории народов Кавказа. Как и следовало ожидать, задача оказалась чрезвычайно сложной.

Одной из иллюстраций тому может послужить изданная в Баку в 2006 году учебник «История народов Кавказа (Новый и новейший периоды)», автором которого является профессор Ирада Гусейнова.²³ Автор пытается преодолеть негативный опыт осуществленных раньше подобных проектов. Основным достоинством книги является тщательный подбор фактического материала и последовательное его изложение. Но старая методология, конфликтная память в виде стереотипов и обид, этноцентризм дают о себе знать при изложении ряда вопросов.

В 1997 году Совет Европы финансировал проект, известный под названием «Тбилисской инициативы», целью которого было создание общего учебника истории Кавказа с участием историков Грузии, Армении, Азербайджана и Российской Федерации. Работа продолжалась несколько лет и завершилась безрезультатно: интерпретации истории были чересчур разными, чтобы объединиться в единый нарратив; сохраненный в коллективной памяти опыт совместного прошлого не смог перекрыть исторические обиды, территориальные претензии, взаимные обвинения, политические интересы. Все стороны защищали собственную истину, забывая о соотносительности исторической истины. Каждая из них создала «собственную» историю Кавказа. Интересно отметить, что чем больше углублялись они в древность, тем непримиримее были позиции.

Азербайджанский исследователь Р.Карагезов отмечает, что в этом случае коллективная память восторжествовала над попыткой представления истории так, как это было предусмотрено проектом. В свое время она точно также брала верх над советской версией истории народов Кавказа, которая стремилась укрепить дружбу и братство народов.²⁴

Несколько безуспешных попыток создания единого кавказского нарратива в постсоветский период выявили трудности на этом пути. Созданию такого нарратива серьезно препятствует традиция идеологизации и мифологизации национальных историй, попытка преодоления которой сталкивается с сопротивлением коллективной памяти – стереотипов, распространенных исторических представлений.²⁵ Кроме этого, формационный методологический подход, с акцентом на примат экономического и политического развития, сохраняет господствующую позицию по сей день, практически он пока еще не уступил место

²² Там же; Г.Анчабадзе, Г.Гамкрелидзе, З.Кикнадзе, М.Сургуладзе, Д.Швелидзе. *История Грузии, учебник для IX класса*, Тбилиси, 2008.

²³ И.Гусейнова, *История народов Кавказа (Новый и новейший периоды)*, учебник для высших учебных заведений, Баку, 2006.

²⁴ R.Garagozov, "Collective Memory and Memory Politics in the Central Caucasian Countries", in: *Central Asia and the Caucasus*, # 6 (36) (2005): 52. (51-60).

²⁵ Э.Исмаилов, «Предисловие к книге Р. Карагезова «Метаморфозы коллективной памяти в России и на Центральном Кавказе», Баку, 2005, 12-13.

методологическому плюрализму, а продолжает существовать без упоминания, нередко выступая в виде эклектической смеси с другими методологиями, чаще всего – с локально-цивилизационной.

Еще одно препятствие на пути преодоления конфликтной памяти путем создания единого кавказского нарратива – чрезвычайно сильная обусловленность истории политической конъюнктурой.

И, наконец, третье препятствие – это выделенные Дж.Верчем т.н. «схематические повествовательные шаблоны», на которые основывается нарратив как специфическая форма организации текста и которые определяют интерпретацию исторических фактов в разных нарративах конкретной культуры.²⁶ Марк Ферро называл этот феномен «матрицей истории».²⁷ Эти «шаблоны» или «матрицы», складывающиеся на протяжении веков, отличаются в разных культурах. Р.Карагезов изучил грузинскую, армянскую и азербайджанскую повествовательные шаблоны, которые, как и следовало ожидать, существенно отличаются друг от друга.²⁸ Наряду с другими факторами, в них отразилась и конфликтная память этих народов. Это затрудняет выработку общей схемы при попытках создания единого нарратива.

Таким образом, пока что нарратив единого Кавказа представляется идеалом, «полезным мифом», который то и дело оживает в форме той или иной идеологической концепции и отдельных, не всегда успешных попыток их реализации. Историки же, как замечал Карл Беккер еще в 30-е годы XX века, являются хранителями «полезных мифов».²⁹

Нино Чиковани

Профессор

Тбилисский государственный университет им. Ив.Джавахишвили

nn_chikovani@yahoo.com

²⁶ J.V. Wertsch, *Voices of Collective Remembering*. Cambridge University Press, 2002.

²⁷ М.Ферро, *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*, Москва, 1992, 11.

²⁸ Р.Карагезов, *Метаморфозы коллективной памяти в России и на Центральном Кавказе*, Баку, 2005.

²⁹ С.Becker, "Everyman His Own Historian", *American Historical Review*, 37, Jan.(1932): 231.